

פְּחַיִשׁ («Шоа») – бедствие, гибель, катастрофа.
«И придет к тебе беда – не сможешь
замолить ее, и падет на тебя несчастье –
не сможешь откупиться от него,
и гибель (**פְּחַיִשׁ**) внезапно придет на тебя –
не предвидела ты...»

Из Книги пророка Исаяи

Для чего мы всё время вспоминаем? Для чего запоминаем, помним, записываем? Кто нас услышит, кто задумается, кто поймет? Или это наш долг – передавать свою память следующим за нами? Или надоедливая привычка от дурного воспитания, вроде той, когда останавливают человека на улице, крутят пуговицу его пиджака и заставляют выслушивать то, чего он не желает знать?..

Считанные годы отделяли нас когда-то от тех страшных событий. Десятилетия отделяют теперь. Но всё так же пишут об этом и говорят, исследуют и спорят, доказывают и опровергают. Та же страстность, та же потрясенность, полнейшее непонимание случившегося, невольный дилетантский вопрос посреди научного спора: «Как же могло случиться такое?!» Как же могло случиться, что цивилизованный, культурный народ в центре Европы планомерно и хладнокровно уничтожал народ другой – не в порыве гнева, не в истеричном беспамятстве толпы, а обдуманно, педантично, по графику, с применением новейших средств науки и техники, и преуспел в этом, и уничтожил шесть миллионов жизней, – а мог бы и больше, если бы не остановили, а хотел бы и всех... Пройдут еще десятилетия, пройдут сотни лет, и весь материал будет опубликован, все архивы исследованы, но останется, очевидно, как и теперь, полное непонимание случившегося, невольный вопрос посреди научного спора: «Как же могло случиться такое?!» Как же оно могло?..

Даниил Кловский, узник гетто и лагерей уничтожения: «После войны меня неоднократно посещала мысль, что я живу как бы не своей жизнью. Что меня, настоящего, давно нет, я исчез вместе с остальными. А живет под моим именем кто-то другой, кто не видел, не пережил ужасную

трагедию двадцатого века, не испытал на себе всю жестокость и низость, на которую, оказывается, способны люди. Ведь после такого жить нельзя. Но я всё-таки живу! Всё-таки это я, а не другой – живу. И значит, я должен рассказать людям о том, что видел и пережил. Обо всем...»

«В 1942 году нас загнали в гетто. Мы не могли оттуда выйти. Там многие умерли от голода. Потом выгнали на стадион, молодых убили, а стариков и детей погнали в лес. Нас окружили там цепью, кричали «юде», начали убивать. Детей кидали в яму. Я убежал. За мной погнался немец. Я влез на дерево, и он меня не заметил. Я видел, как убивали всех евреев, и три дня шумела кровь в земле. Мне было тогда десять лет, а теперь мне двенадцать. Нюня Докторович...»

Осмыслить это невозможно. Понять – тем более. Остаются только скорбь, глухая тоска, содрогания души. Ужас тех дней, отчаяние, одиночество посреди народов в годы Катастрофы – кому под силу изложить это на бумаге?

Со стесненным сердцем начинает автор очередной рассказ. Со стесненным сердцем. Со смятенными чувствами...

Иерусалим, 2005 год

Часть десятая

**Уничтожение евреев
на территории СССР –
1941–1942 годы**

Очерк сорок восьмой

Начало войны и эвакуация населения. Методы уничтожения на оккупированных территориях

1

22 июня 1941 года.

Ранним утром немецкие войска пересекли советскую границу и начали стремительное наступление. 24 июня они заняли столицу Литвы Вильнюс, 28 июня – столицу Белоруссии Минск, 1 июля – столицу Латвии Ригу, 7 июля – Бердичев, 9 июля – Псков и Житомир, 11 июля – Витебск, 13 июля – Бобруйск, 16 июля – столицу Молдавии Кишинев. К восемнадцатому дню войны немцы захватили Литву, Латвию, Белоруссию, значительную часть Украины, Молдавии, Эстонии и продолжили продвижение на восток.

Воспоминания первых дней войны (Витебск): «Немецкие самолеты налетали так внезапно, что зачастую воздушная тревога объявлялась вслед за взрывом бомбы. Предлагалось уйти в укрытие, но где можно укрыться, никто не знал. Город не был готов к нападению...»

Эвакуация населения из приграничных районов была практически невозможной; даже те, кто пытался бежать, вскоре оказывались в тылу наступавших немецких войск и вынуждены были вернуться в свои дома.

Чем ближе к границе, тем беспорядочнее происходила эвакуация: толпы растерянных людей на вокзалах штурмовали поезда, пытались уехать на автомобилях, велосипедах, подводах, уходили пешком, везли в колясках грудных детей, несли вещи. Немецкие самолеты бомбили поезда, расстреливали людей из пулеметов на бреющем полете, танки и парашютные десанты отсекали беженцев, а потому количество населения, сумевшего эвакуироваться из западных областей СССР, зависело от расстояния населенных пунктов до границы и от быстроты передвижения немецких частей.

Советская власть не доверяла жителям территорий, присоединенных к СССР в предвоенные годы, хотя они и считались гражданами страны Советов. Беженцев из Западной Украины и Западной Белоруссии задерживали на границе, существовавшей до сентября 1939 года, беженцев из стран Прибалтики – на границе 1940 года. Из воспоминаний евреев, пытавшихся спастись:

«В поезда пропускали только тех, кто показывал билет члена партии. Тысячи шли пешком по дорогам и тропинкам. Немецкие танки обгоняли их. Часть бежавших была уничтожена, и трупы неделями валялись в лесах и на полях. Другие вернулись в Вильнюс, разбитые, голодные, измученные...»

«Мы прожили у границы двенадцать страшных дней и ночей. За это время тут скопились тысячи беженцев. Толпы людей, большей частью евреев... умоляли, чтобы им позволили бежать дальше, но их не пускали. Пропускали только коммунистов, членов партии с «кашерными» документами. Мы, остальные, «трейф», у нас нет права на спасение, хотя мы уже более года советские граждане...»

«Когда немцы подошли на десять–двенадцать километров, пограничная стража внезапно исчезла. Только тогда мы могли двинуться дальше, – но далеко ли убежишь, когда враг так близко?...»

«Немцы продвигаются молниеносно. Непрерывно бомбят дороги. Путь усеян трупами беженцев и красноармейцев, разбитыми танками и автомобилями. Непрекращающиеся разрывы. Вонючая гарь. Агония умирающих...»

Анатолий Рубин:

«Я пошел вместе с людским потоком на восток. Шли весь вечер, всю ночь. Изнемогавшие люди бросали свои жалкие пожитки, которые они захватили из дома... Всё время нас обстреливали немецкие штурмовики, и мы бросались враспынную в поле или в лес и ложились на землю. Некоторые так и не поднялись... Идти дальше на восток было невозможно, и мы... отправились назад в уже оккупированный Минск...»

Навстречу нам двигался из Минска поток крестьянских телег, нагруженных награбленным имуществом бежавших. Одна еврейская семья опознала свою мебель и пришла в негодование. В ответ мужики набросились на эту семью, избили, а потом еще и насмеялись: «Вам это уже не понадобится...»

Наконец мы добрались до Минска. Город лежал в развалинах. Весь центр был разрушен. Пахло гарью. Стоял смрад от разлагавшихся трупов...»

2

Евреи были наиболее уязвимой частью населения страны, но планов их эвакуации не существовало, не существовало вообще эвакуационных планов, подготовленных заранее, – И. Сталин не верил, что немцы нападут на СССР в 1941 году, да и военная доктрина Красной армии предполагала быстрый разгром противника «в его собственной берлоге». За неделю до начала войны центральные газеты опубликовали официальное заявление: «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз», слухи о намерении Гитлера напасть на СССР «лишены всякой почвы». Население страны психологически не было подготовлено к войне, тем более к войне на своей территории, и это сыграло свою роль в первые месяцы после начала боевых действий.

Из сообщений в газетах и по радио трудно было понять, где находится линия фронта, а потому при неожиданном подходе немецких войск многое зависело от расторопности местных властей, от их способности принимать самостоятельные решения, не ожидая указаний сверху, в атмосфере хаоса, охватившей прифронтовые районы. Порой местное начальство утверждало, что эвакуации не предвидится, город не сдадут ни при каких обстоятельствах, требовало «не паниковать, не нарушать государственную дисциплину», угрожало наказанием за дезертирство – самовольный уход с рабочего места, а через день-два спешно покидало вверенный ему населенный пункт.

Почти все автомобили были переданы для нужд армии, железнодорожный транспорт предназначался в основном для военных грузов; организовано уезжали со своими семьями советские и партийные деятели, занимавшие достаточно высокие посты, а также работники крупных промышленных предприятий, которых вместе с оборудованием вывозили на восток. Когда Красной армии удавалось задержать немецкое продвижение, количество эвакуированных возрастало, но если при отступлении взрывали мосты через реки, бегство становилось невозможным.

Предвоенная фотография учеников 5 класса «А» в украинском местечке. За партами немало еврейских детей, дни которых сочтены

В западных районах СССР многие евреи жили в местечках и в небольших городках, откуда не было практически никакой организованной эвакуации. Мужчины ушли в армию в первые дни войны, оставались женщины, старики и дети, которые не решались тронуться в путь. Еврейские семьи были многодетными, что также не способствовало передвижению, а вид беженцев из приграничных районов «наводил на мысль, что лучше оставаться на своем месте, чем ехать куда-то голодать и сидеть на холоде». Одни не хотели покидать дома, где они родились, состарились, нажили имущество за долгие годы; другие считали, что война продлится недолго – следует переждать несколько дней, придут русские танки и прогонят немцев; третьи не знали за собой никакой вины: «Мы политикой не занимаемся. Работали и дальше будем работать. Никто нас не тронет: не за что». Было и немало фаталистов, которые отказывались принимать какое-либо решение: «Что станет с людьми, то и с нами». И еще одно, немаловажное. Еврейские общины прежних времен со своими руководителями и духовными лидерами, отличавшиеся солидарностью в трудные моменты жизни, уже не существовали, и каждый был предоставлен самому себе, собственному выбору – уходить или оставаться на месте.

«Одни были за то, чтобы немедленно бежать из горящего города, а другие не хотели трогаться и доказывали, что всё обойдется. Мне запомнилась фраза, сказанная на идиш: «Бросить хлеб и идти искать объедки? Нет, я на это не согласна!» Такие же сборища были и у соседей. Все волновались и спорили...»

«Не раз я собиралась уходить, но мне сразу представлялась такая картина: вот я сажусь в вагон, не успеваю посадить детей, поезд трогается и на перроне остается мой ребенок. Он плачет, а поезд меня увозит. При этой мысли я теряла силы и волю – лучше умереть, но умирать вместе со своими детьми...»

Большинство еврейского населения Советского Союза не догадывалось, что их ожидало. После подписания пакта с Германией в СССР замалчивали преследования евреев нацистами, не упоминали даже о положении еврейского населения в соседней Польше, где их содержали в гетто в невыносимых условиях. Офицер СС докладывал из Белоруссии в июле 1941 года: «Поразительно, как плохо евреи осведомлены о нашем отношении к ним, о том, как мы обращаемся с ними в Германии и в не столь далекой от них Варшаве... Если евреи и не ожидали, что при немецком правлении будут пользоваться теми же правами, что и русские, они всё же думали, что мы оставим их в покое, если они станут прилежно работать».

В первые недели войны, когда германские войска стремительно продвигались вперед, Сталину уже докладывали, что немецкая агитация «идет под флагом борьбы с жидами и коммунистами». Этот факт повлиял, быть может, на отношение Москвы к проблеме эвакуации евреев, к той проблеме, которую власти не могли (или не желали) разрешить. Предоставить евреям первоочередность для выезда на восток – означало подхлестнуть антисемитские настроения и дать немецкой пропаганде дополнительные «доказательства» того, что советская власть является «жидовской» властью. Не предпринять никаких мер, не предупредить еврейское население о надвигающейся опасности – значило обречь на гибель тех евреев, которые оставались на своих местах, надеясь пережить оккупацию. К осени 1941 года уже уничтожили десятки тысяч советских евреев, но в тылу мало кто знал об этом.

Люди старшего поколения помнили немцев со времен Первой мировой войны, когда они оккупировали западные районы Российской империи, и прежние впечатления о «культурной, порядочной нации» влияли на решение оставаться на своих местах. Из свидетельства очевидцев: «Немного отъехав от села, дедушка остановился и категорически отказался ехать дальше, ссылаясь на то, что немцы в 1918 году хорошо относились к евреям. И мы вернулись...» – «Отец помнил события Первой мировой войны, когда немцы были настроены к евреям куда менее враждебно, чем российские казаки...» – «Я настаивал на эвакуации. Мама была против. Решил вопрос дедушка. Он сказал, что в Первую мировую войну был в плену у немцев и остался жив. Немцы евреев не убивают. И мы остались...» – «Жители нашего местечка были уверены, что

Очерк сорок девятый

Первые месяцы войны. Латвия, Литва, Эстония

1

В 1939 году в Западной Белоруссии, в первые дни после присоединения к СССР, когда польская администрация на местах уже не существовала, а советская еще не установилась, происходили погромы польского населения с грабежами и убийствами, так как поляки этнически принадлежали к представителям свергнутой власти. Житель Пинской области вспоминал: когда «увозили в ссылку местного помещика, наш сосед Филипп Копа... под шумок перетащил к себе из дома помещика всё что мог... Мама тогда говорила: сейчас можно грабить помещика, и Филипп грабит его; завтра можно будет грабить евреев, и Филипп первым придет грабить нас».

Так оно и произошло. В 1941 году в тех же местах громили евреев в первые дни войны, в период безвластия – им припомнили привилегии, которые они получили от советской власти, забыв про ограничения, которым они подвергались наравне со всеми. Тот же Филипп Копа сказал соседям-евреям: «Хватит батрачить на других, теперь другие будут батрачить на меня», после чего забрал у них перины с подушками. В другой деревне Пинской области крестьяне заявили местному еврею: «Всё, нет больше твоих Советов. Ваша власть кончилась... Теперь мы твоя власть.

Хватит, поиздевались над мужиком». Еврейские погромы с грабежом и убийствами проходили также в Западной Украине, в Бессарабии и Северной Буковине; число жертв в местечках исчислялось десятками, а в городах сотнями человек; на рынках торговали мебелью из еврейских домов, одеждой и посудой, при желании можно было приобрести золотые коронки от зубов.

Местечко Едвабне Белостокской области. Немцы предложили местным жителям оставить в живых евреев-ремесленников с семьями, но в ответ услышали, что у них хватает своих специалистов, а потому следует уничтожить всё еврейское население. Поляки выгнали евреев из домов, построили в колонну во главе с престарелым раввином и повели на окраину Едвабне. Там их загнали в сарай, облили стены керосином, купленным на муниципальные нужды, сожгли всех, а затем разграбили опустевшие дома. Немцы не вмешивались и лишь фотографировали этапы жестокой расправы.

После войны одного жителя Едвабне приговорили к расстрелу, еще нескольких к разным срокам заключения и поставили памятник с надписью: «Место уничтожения еврейского населения. Гестапо и гитлеровская жандармерия заживо сожгли 1600 человек 10 июля 1941 года».

К началу войны с Германией оказалось немало граждан СССР, недовольных сталинским режимом, которые опасались выразить открыто свои чувства. Были среди них потерявшие имущество и доходы после октябрьского переворота, были пострадавшие от голода во время коллективизации, лишившиеся родных и близких в годы террора, не желавшие смириться с всеобъемлющей пропагандой, которая подчиняла себе мысли и поступки граждан страны Советов, – всё это подпитывало антисоветские настроения, сохраняемые тайно, под спудом, до наступления иных времен. Тому способствовали и государственное крепостничество в деревне без права выхода из колхоза, нелегкий труд на фабриках и заводах за нищенскую зарплату, скудная жизнь в перенаселенных квартирах и общежитиях, вечная нехватка продовольствия и товаров – приход немцев позволял выплеснуть наружу те чувства, которые таили десятилетиями, давал возможность выявить и наказать виновников всех несчастий.

Этими виновниками в который уж раз стали евреи, а антисемитская пропаганда нацистов и массовые убийства еврейского населения только убеждали в правильности выбора ненавистного врага. Скрытый антисемитизм, взращенный столетиями, переходивший по наследству от родителей к детям, стал в годы оккупации антисемитизмом открытым,

действенным, безнаказанным, поощряемым новой властью, которая освободила от необходимости скрывать свои чувства и намерения по отношению к соседу-еврею, а то и ко всему еврейскому населению.

Нельзя сбрасывать со счета и опыт жизни в Советском Союзе, который не прививал терпимость и уважение к иным убеждениям, когда повсюду выискивали и репрессировали «классовых врагов» и членов их семей – только теперь, с приходом немецкой армии, «врагами народа» оказались евреи. Немаловажным стал и тот факт, что к началу войны еще было много свидетелей, а порой и участников кровавых погромов времен Гражданской войны, когда насилия над евреями и их убийства были дозволены и поощрялись разными властями, – это также повлияло на результаты «окончательного решения еврейского вопроса». Вновь, в пределах одного поколения, возникла возможность пограбить, поиздеваться, потешить душу на фоне серой, однообразной скуки бытия, испытать пьянящее чувство власти, вседозволенности, обладания жизнью незащитных людей. И застарелая, запятанная в глубины ненависть получила право на открытое существование с одобрения новых правителей.

2

Особое положение сложилось на территориях, которые отошли к Советскому Союзу в 1939–1940 годах: в Западной Украине и Западной Белоруссии, в Бессарабии и Северной Буковине, в Латвии, Литве и Эстонии. После многих лет ограничений евреи появились в советских наркоматах и учреждениях, в судах, адвокатуре и милиции, куда доступ для них был прежде практически недоступен. Евреи-врачи стали заведующими отделениями в больницах, еврей-учителя пошли в государственные школы, журналисты – в газеты, рабочие и инженеры – в цеха национализированных фабрик и заводов; еврейская молодежь устремилась в институты и техникумы, офицерские училища открыли двери для еврейских юношей, которые прежде не могли мечтать о военной карьере.

Евреи оказались среди тех, кто выиграл от установления советской власти, они получили все права наравне с другими – это, в сущности, и поставили им в вину, заговорили о том, что «евреи пригласили» Красную армию, «советская власть – это жидовская власть, теперь в каждом учреждении сидят евреи, что хотят, то и делают». При этом не обращали особого внимания на тысячи прочих жителей – инженеров, врачей, адвокатов, деятелей науки и культуры, которые работали в советских учреждениях и занимали там высокие посты. Не желали принимать

в расчет, что еврейские предприятия были национализированы одновременно с другими, синагоги закрывали вместе с костелами, а евреев арестовывали наравне со всеми. Забыли (или не хотели вспоминать) многолюдные приветственные демонстрации местных жителей в день вторжения советских войск. Присутствие евреев на руководящих постах раздражало местное население, их выделяли среди прочих, еврейчужаки вызывали наибольшее озлобление. Антисемитизм прежних веков, бытовой антисемитизм подпитывался теперь новым содержанием: «Придет немец – всех жидов передавит...» – «Вот Гитлер – единственный человек на белом свете, который всю заразу уничтожит...» – «Когда придут немцы, я первым пойду на большевиков...»

В антисемитизме нашло выражение недовольство советским режимом, что привело к чудовищным результатам в годы Катастрофы. Особенно запомнилась депортация населения за неделю до начала советско-германской войны, когда на территориях, присоединенных с 1939 года, прошли массовые аресты «социально опасных элементов» – это были купцы, промышленники и банкиры разных национальностей, сионисты и бундовцы, религиозные лидеры, «буржуазные националисты», беженцы из Польши. Из воспоминаний: «Длинные эшелоны, битком набитые выслаемыми, – в одних вагонах женщины с детьми, в других мужчины... Вагоны были крест-накрест заколочены досками, из маленького четырехугольного отверстия, вырезанного в нижней части двери, стекали нечистоты. Стояло жаркое лето. Арестованные, набитые в душные вагоны, как скот, изнемогали от тесноты, от жажды, от голода, но солдаты НКВД, охранявшие эшелоны, не подпускали к ним тех, кто желал подать выслаемым хлеба, молока или воды. Картина была страшная...»

Эшелоны с высланными двигались на восток; «наш поезд остановился ночью на одной из железнодорожных станций Москвы... Мы слышали шум моторов и звуки взрывов: Москву бомбили с воздуха. Многие латыши не могли сдержать своей радости».

Из Молдавии и Черновицкой области отправили в Сибирь и Среднюю Азию более 20 000 жителей – среди них было немало евреев. Из Латвии, Литвы и Эстонии выслали 60 000 жителей, в том числе около 12 000 евреев – 20% от общего количества, и тем не менее именно евреев обвинили в массовых арестах и высылке. «Эта депортация... повлияла на поведение местного населения после прихода немцев... Без всяких усилий немцы приобрели себе новых друзей, а в скором будущем и ревностных исполнителей предпринимаемых ими акций».

«Ревностные исполнители» сыграли свою страшную роль после прихода германских войск. Подавляющее большинство евреев не имело

Очерк пятьдесят второй

Создание гетто и рабочих лагерей на оккупированных территориях. Львов. Витебск. Минск

1

Татьяна Шнайдер, рабочий лагерь на Украине:

«Жили мы в старых грязных сараях, спали на голой земле или на перегное, оставшемся от скота и свиней. Очищали и ремонтировали дорогу от Звенигородки до Лысянки. Валили лес, корчевали пни... Работали на каменном и песочном карьерах, плели щиты для снегозадержания, дробили щебенку, таскали каток вместо лошадей...»

Григорий Басовский, Звенигородский район:

«Поместили нас в свинарнике, спали на голой земле. Работали на строительстве дороги и в каменном карьере от зари до зари. Кормили один раз в сутки – давали какую-то баланду и сто граммов хлеба из проса. После возвращения с работы нас гоняли вокруг свинарника и избивали резиновыми палками... затем отбирали ослабевших и расстреливали...»

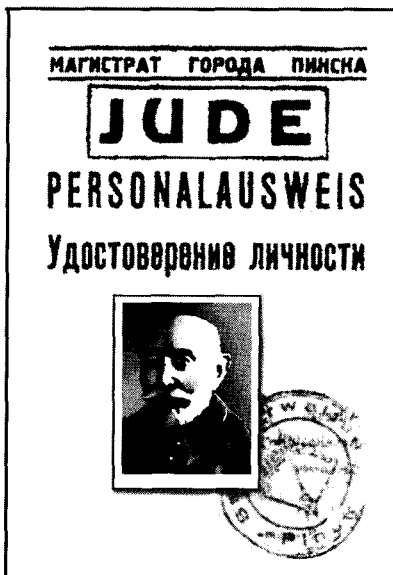
Клара Кановская, Могилев-Подольский:

«Мне повезло – я попала в сельхозартель... Снова полицейские били, снова непосильный труд, босая по снегу, единственное платье из мешковины; сирота надеялась на чудо – дожить до освобождения. Можно представить, как нужно было мне работать, чтобы хозяин фермы сказал полицейскому: «Не бейте ее. У нее чисто в свинарнике, как в церкви...»

Немцы заняли Брест в первый день войны. Вскоре произвели облаву на мужчин-евреев и расстреляли за городом несколько тысяч человек. «Кому удалось спрятаться, тот пожил еще год...»

Высшим органом гражданского управления на захваченных землях было Министерство по делам оккупированных территорий на Востоке во главе с А. Розенбергом. Учредили два рейхскомиссариата – «Остланд» с центром в Риге и «Украина» с центром в городе Ровно, которые подразделялись на более мелкие административные единицы. В состав рейхскомиссариата «Остланд» включили Латвию, Литву, Эстонию и западные районы Белоруссии; в рейхскомиссариат «Украина» вошли часть Белоруссии и территории Украины западнее Днепра. Восточную Галицию с городом Львовом присоединили к Генерал-губернаторству, созданному на территории Польши, а Белостокская область, части Брестской и Гродненской областей отошли к Восточной Пруссии.

Прифронтовая полоса оставалась под властью военной администрации – Восточная Белоруссия, районы Украины к востоку от Днепра и все территории РСФСР, захваченные германскими войсками. После занятия очередного города или деревни немецкая комендатура проводила перепись местного населения. Евреи подлежали регистрации с четырнадцатилетнего возраста, в некоторых местах с десяти, а то и с шести лет; после регистрации выдавали удостоверение личности, на его обложке помечали крупно, порой красным цветом – «JUDE», «J», «Ж» или «ЖИД».

Еврейское удостоверение личности. Пинск, 1941 год

Евреи не имели права менять место жительства, ходить по тротуарам, резать скот по еврейским законам, пользоваться общественным транспортом, телефоном, почтой и телеграфом, посещать парки, театры и кино-театры, площадки для игр, библиотеки и музеи; «особый приказ не разрешал евреям здороваться с неевреями». До переселения в гетто еврейское население получало хлеб в общих магазинах; во Львове им выдавали «вначале 120 граммов на человека в день, а затем 70 граммов... Евреи должны были дожидаться в стороне, пока не пройдет очередь «арийцев», и если в лавке еще оставался хлеб, его им отдавали. Не раз случалось, что их выгоняли из магазина с пустыми руками, плевали в них и били».

Вильнюс: «Евреи становились в очередь за хлебом вместе с нееврейским населением с пяти часов утра, и всюду тыкали в них пальцами, над ними измывались литовские полицейские. Евреек гнали из очереди палкой и кулаком...»

Еврейское население обязывали носить на одежде «ясно различимые опознавательные знаки»: «Появление на улице без отличительного знака карается смертью». Эти знаки были различными в зависимости от фантазии местной администрации – цветные шестиконечные звезды, пришитые на спине и на груди, белые шестиконечные звезды, хорошо видимые издалека, желтые кружки на груди и на плечах с буквой «J» («Jude»), белые или желтые нашивки на груди, спине и на левом колене, черные или белые нарукавные повязки, – но наказание за невыполнение приказа оставалось неизменным. (В Витебске евреев заставили носить желтые нашивки на правом плече, спереди и сзади; местное население называло эти знаки «орден Ленина – орден Сталина».)

Ношение отличительных знаков было обязательным и для подростков; в некоторых местах оно распространялось даже на детей трех-пятилетнего возраста, – теперь уже любого еврея можно было выделить на улице, даже если он и не обладал характерной внешностью. «Матери плакали, прикрепляя эти знаки на одежды своих детей... Тогда это произвело огромное впечатление и считалось страшным унижением – мы еще не знали, какие ужасы нас ожидают...» Затем стали требовать, чтобы на одежду прикрепляли нашивки разных цветов для отличия мужчин и женщин, занятых на работах, от членов их семей; появились и нашивки белого цвета с указанием номера дома, в котором жил данный обитатель гетто. «Одного били за то, что нашивка больше, чем указано, других били за то, что нашивка меньше... Нельзя было по городу пройти – кругом полицаи, как бешеные собаки, гоняются с палками и бьют безжалостно кого попало».

Тринадцатилетний Даниил Кловский из Гродно на всю жизнь запомнил тот день, когда впервые вышел на улицу с отличительным знаком:

«Я шел, пригнув голову, съежившись. Было такое ощущение, что я стал меньше ростом. Было постоянное состояние страха, готовности снести любую обиду... До сих пор помню слова, сказанные кем-то отцу злорадным тоном: «Ну что? Вот вам ваша «кипучая, могучая»...»

«Я долго не мог надеть знак. Мне было тошно, словно на мне сидели две лягушки...» – «Мне никогда не было стыдно ходить со звездой Давида. Нацистам так и не удалось заставить меня стыдиться того, что мы евреи...» – «Пусть стыдно будет тем, кто нацепил их на нас...»

3

С первых дней оккупации началось массовое уничтожение еврейского населения. В зоне военной администрации – в деревнях, местечках и небольших городках – на это хватало одной-двух карательных акций, в более крупных городах ликвидация занимала порой два-три месяца. Для этого устраивали временные гетто, промежуточные места сбора, в которые переселяли евреев перед неминуемым уничтожением, – к концу 1941 года эти гетто и их обитатели почти везде перестали существовать. В декабре того года Геббельс с беспокойством записал в дневнике: «Если мы уьем всех евреев, уничтожим военнопленных и позволим значительной части населения крупных городов умереть от голода, а в следующем году сократим также сельское население, кто будет производить для нас всё необходимое?..»

После германского поражения под Москвой война приняла затяжной характер; немцам требовалась рабочая сила для прокладки дорог в тылу и прочих целей, требовались и специалисты для работы на военных предприятиях. Из Прибалтики докладывали в Берлин: «Полное истребление евреев – во всяком случае, в настоящее время – невозможно, так как ббольшая часть ремесел Литвы и Латвии находится в руках евреев, а некоторые ремесленники – стекольщики, водопроводчики, печники, сапожники – представлены исключительно евреями. Ремесленники-евреи необходимы теперь для восстановления разрушенных городов и для нужд армии».

Сразу же начался спор между руководителями СС, настаивавшими на скорейшем истреблении евреев, и гражданской администрацией, которая желала их использовать на многочисленных работах и жаловалась на то, что «чрезмерное» уничтожение еврейского населения наносит удар по местной экономике: «Без ремесленников-евреев просто невозможно обойтись... Сегодня трудно избавиться от них полностью, ибо через день-